

НЕЗАМЕНИМЫХ НЕ БЫВАЕТ ?

Долго раздумывала, с чего начать... Начну с себя. Сознательно не использую скромный оборот «все или многие ученики...» – Алексей Иванович с нами занимался индивидуально, думаю я вправе рассказать, какое влияние он оказал лично на меня. Я – очень везучий человек. Мне повезло стать не только аспиранткой Алексея Ивановича. Перед этим мне посчастливилось быть его дипломницей. Что побудило академика РАО стать руководителем диплома, я не могу понять до сих пор. Более того, он пришел ко мне на защиту и выступал, давая мне характеристику как дипломнице и будущей аспирантке. С первых дней я была познакомлена с методикой его работы. Его потрясающее владение проблематикой историко-педагогической науки позволяло ему видеть поле сверху и заранее знать, куда должен выйти аспирант, какую проблему он должен «выцепить» в том или ином временном периоде, читая ту или иную литературу. Поэтому Алексей Иванович не предлагал аспирантам готовых тем диссертации. Это был результат долгих поисков. Формулировка моей темы диссертации утвердилась окончательно почти перед защитой.

Помню его мысль о том, что многие руководители ошибочно ориентируют своих подопечных на то, чтобы диплом был продолжением курсовой, кандидатская расширяла и углубляла диплом, а докторская – кандидатскую. Но если после твоей кандидатской ещё есть что сказать в её не опровергающей докторской, зачем писать такую кандидатскую? Какой смысл быть ученым одной проблемы? Зачастую он подтрунивал над руководителями, которые, написав работу по одной теме, всю жизнь «выпекают» кандидатов и дипломников по сходным темам. А так называемые теоретики совершенно не компетентны в истории педагогики и наоборот, историки абсолютно не владеют современной научной проблематикой. В его случае подобного быть просто не могло, его глубочайшие энциклопедические знания, эрудиция, понимание проблем современной науки, давали ему широкое поле для раздумий над педагогическими проблемами разных эпох, для осмысления их и возвращивания аспирантов. Каждая наша печатная работа была результатом и его исследовательской деятельности, воплощенной в наших удачных и не очень текстах.

О текстах. Когда я пришла похвалиться, что нацарапала статью в один из сборников, он потребовал, чтобы я ее показала ему. На вопрос: «Зачем?», – я получила ответ «Я же не могу позволить вам, будучи моей студенткой и аспиранткой, писать всё, что попало. Вы же выступаете не только от своего имени!». Каждую статью он внимательно прочитывал, буквально цепляясь за каждое слово, подбирая наиболее удачные термины и четкие формулировки. Помню своё удивление, когда мой диплом, он прочитал два раза, не только исправив все ошибки, но и совершив литературную правку, после чего каждая фраза «заиграла», приобрела лаконичность и точный «пискуновский» смысл. И это несмотря на свою огромную занятость! Все знают, что в течение последних лет он постоянно работал над учебником и хрестоматией по истории педагогики и образования.

Также было и с диссертацией. А до какого состояния Алексей Иванович «вычесывал» учебник – страшно себе представить. Первые редакции мы помогали ему набирать на компьютере. Это была нечеловеческая правка. Подклеенные листы, исчёрканные страницы текста, на обороте от руки вписанные куски. При этом с моей точки зрения уникальность этой правки была в том, что, начиная зачёркивать с середины предложения и выбрасывая несколько страниц, Алексей Иванович чётко заканчивал мысль концом вычеркнутого сначала предложения, и в итоге всё сходилось. Не следует забывать, что в последние годы Алексей Иванович не очень хорошо видел, а по его почерку можно было судить о его самочувствии, которое в последнее время тоже оставляло желать много лучшего. Но для работы это никогда не было помехой. Каждый его день был расписан по минутам: работа с рукописью, с аспирантами, приём посетителей, при этом он успевал прочитывать колоссальное количество разной литературы, был в курсе всех важных событий.

Если в тексте встречалась фамилия какого-нибудь исторического лица, Алексей Иванович лично перепроверял его инициалы и годы жизни, иногда подписывал краткие справки о том или ином деятеле, объясняя это тем, что самое большое количество неточностей связано с путаницей инициалов, дат и данных об однофамильцах. Больше всего Алексей Иванович ценил словари и справочники. В его доме они занимают целую секцию огромного стенного шкафа. Именно невнимание к мелочам, научная небрежность, по мнению А.И. Пискунова ставит под сомнение компетент-

ность автора работы. Например, я была свидетелем того, как Алексей Иванович с одним из соискателей выясняли, как же правильно писать «Комиссаровское техническое училище». В итоге историческая справедливость была восстановлена – именно «Комиссаровское». Казалось бы, пустяк, мимо которого прошли все, а сколько времени было потрачено, чтобы его прояснить! И так во всем.

Особое внимание Алексей Иванович уделял сноскам. Скажите, кто сейчас обращает внимание на такую ерунду? Помню, как провела в библиотеке имени К.Д. Ушинского 2 недели, разыскивая издательства и количество страниц в прочитанных книгах (а тема работы у меня по XIX веку) и ругая себя последними словами, что не выписала эти данные сразу. Зато все последующие годы с «бухгалтерией» у меня был порядок. Урок на всю жизнь. Не успев получить книгу на руки, я выписывала все её выходные данные на библиографическую карточку, а карточки раскладывала в коробке в соответствии с планом диссертации. Так, по методике Алексея Ивановича, становилось видно, в какой главе мало источников. У Алексея Ивановича было много таких ящиков. В одном из них хранились карточки только его печатных работ, и скажу вам немало. Помню, как мы с другими аспирантами, работающими по сходному историческому периоду, списывали эти карточки друг у друга, зная, что Алексей Иванович рано или поздно обязательно будет смотреть их. Причем не формально, а проверяя неточности. Один раз на библиотечном варианте я не нашла издательства, а Алексей Иванович достал с полки эту книгу и в его экземпляре все данные присутствовали. О его библиотеке, где были собраны уникальные книги и издания, нужно рассказывать отдельно.

Следующим этапом работы были цитаты. По совету Алексея Ивановича каждую из них следовало выписывать на отдельном листе со всеми выходными данными книги и страницей, с которой она взята. Потом в соответствии с планом работы следовало отсортировать листочки и посмотреть, в какой части мало материала. Так можно было легко увидеть, в каком направлении работать дальше. В эпоху компьютеров, смешная работа, скажете вы, но и на эти замечания у Алексея Ивановича был свой ответ: «Компьютер – железный, он может сломаться, а бумага – все стерпит». Помните знаменитое: «Рукописи не горят!»? К сожалению, мне, как и многим другим, только в работе над диссертацией несколько раз приходилось

удостовериться в правильности его слов, когда благодаря сбоям в работе компьютера пропадали куски текста, путались сноски и ссылки, сбивались номера страниц. У Алексея Ивановича все было в порядке: в целостности и сохранности.

Особенностью работы А.И. Пискунова было то, что он не разрешал писать до тех пор, пока каждый кирпичик исследования не вставал в голове на свое место. Для этого разрабатывался план-проспект. Развернутый план, в котором в тезисной форме излагались все мысли и идеи будущего исследования. Должен был получиться «скелет», которой в ходе написания работы должен был «обрасти мясом». При этом напротив каждого предложения проставлялась цифра с числом страниц, которое будет отводиться на раскрытие этого положения в основной работе. Количество страниц в каждом параграфе должно было сойтись с числом страниц по главам и в работе в целом.

Могу сказать одно, два с половиной года я писала 10 страниц плана-проспекта, и месяц я писала введение (кто учил нас в институте, что введение и заключение пишут в конце?), зато потом всю работу я написала с марта по июнь. Помню, как 1 июня я отнесла Алексею Ивановичу готовый вариант, без титульного листа, оглавления и библиографии (кто знал Алексея Ивановича – поймут, что не так), получила «втык» за всех инфантильных аспирантов вообще и свою оплошность в частности, а дальше всё закрутилось. В ноябре 2000 года я стала кандидатом наук. Думаю, в тот момент я даже не осознала, что произошло. Мне было всего 25 лет. Недаром Алексей Иванович говорил мне: «Убейте в себе студентку!». Через несколько лет, когда я стала читать лекции на кафедре в МПГУ, Алексей Иванович сказал: «Вижу, что Вы повзрослели». По прошествии времени, считаю это огромным авансом, который нужно ещё отработать, но с уходом Алексея Ивановича, положив руку на сердце, я не вижу для себя перспектив в науке, именно в науке, а не том, во что сейчас превращается педагогика, хотя у нас с ним уже была намечена перспективная тема для дальнейшей работы и можно было бы найти себе научного консультанта.

Но кто из современных руководителей может работать с аспирантами и докторантами так же, как Алексей Иванович? Поставим вопрос по-другому: «Кто, кроме Алексея Ивановича обладает такими знаниями, та-

ким мышлением, таким умением выразить свои мысли, такими личностными качествами и таким авторитетом для коллег в любых вопросах?».

Говорят, что незаменимых нет... В случае с А.И. Пискуновым мне трудно представить кого-то еще своим научным руководителем, не в смысле человеком, который поставит подпись на документах соискателя, а наставником, то есть человеком, который почти 10 лет взращивал меня, помогал мне двигаться вперед, развиваться, взрослеть, постоянно оберегал и предостерегал, формировал не только мое сознание, но и личность в целом, то есть был моим самым главным серьезным, требовательным, справедливым и любимым Учителем.